

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Избасарова Гульбану Болатовна

**КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА КАК ОБЪЕКТ
РЕФОРМ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ
ОКРАИНОЙ (1731 – СЕР. XIX ВЕКА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный консультант – Цимбаев Николай Иванович
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты Азнабаев Булат Ахмерович
доктор исторических наук, доцент
заведующий кафедрой Истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского государственного университета.

Брежнева Светлана Николаевна
доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры истории России Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Васильев Дмитрий Валентинович
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры «Социально-гуманитарные и правовые дисциплины» автономной некоммерческой организации высшего образования «Российская академия предпринимательства»

Защита состоится «8» октября 2018 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета МГУ 07.01 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4 Шуваловский, ауд. А-419.
e-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, 27) и на сайте ИАС «Истина»: <https://istina.msu.ru/dissertations/104462499>
Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Н.Г. Абрамова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исследование посвящено политике Российской империи в отношении казахов Младшего жуза с момента его присоединения и до середины XIX в. Актуальность темы исследования определяется как недостаточной научной изученностью предмета, так и общественно-политической необходимостью выработки взвешенного подхода к нашему общему прошлому в условиях евразийского интеграционного процесса.

Со средних веков Русь имела контакты с кочевниками Дешт-и кыпчака, которая для нее означала мир воинственных номадов и мир тенгрианства. Российская империя наследовала от древней Руси двойственное отношение к своим соседям. С одной стороны, это были воинственные столкновения с кочевниками, а с другой, налицо были экономические и культурные взаимосвязи. В XVIII–XIX вв. под властью Российской империи оказались огромные территории, населенные народами с различными культурами и конфессиями, иными системами хозяйства, социального устройства и т.п. Начиная со времени включения региона в свой состав, российское правительство пыталось сделать окраину управляемой. Данный факт на сегодняшний день имеет недостаточный уровень научной изученности.

В связи с этим, актуальным является выявление факторов и условий существования многонациональной имперской государственности как устойчивой конструкции, которое невозможно без анализа внутренних механизмов, форм и методов имперской политики, без изучения уровня взаимодействия центральной и местной власти с элитой казахского социума.

Важность изучения политики Российской империи в Казахской степи Младшего жуза определяется несколькими причинами.

Во-первых, до настоящего времени не в полной мере изучена целенаправленная деятельность российского государства в отношении кочевых народов, проведение реформы 1824 и 1844 годов, когда империя предпринимала попытки унифицировать и окончательно интегрировать

Казахскую степь в свое пространство; происхождение различных институтов, реализовавших данные реформы; отношение казахской элиты к новым преобразованиям.

Во-вторых, сформировавшийся в историографии советского периода негативный взгляд на институт ханской власти, султанов-правителей требует переосмысления, пересмотра старых концепций и подходов. Уровень современного развития исторической науки требует сравнительного изучения опыта имперского строительства в Казахской степи с другими окраинами империи. Для создания целостной картины восприятия при описании истории казахов Младшего жуза возникла необходимость посмотреть на политику Российской империи «глазами» подвластных казахов и ее элиты, выявить тех акторов, которые участвовали в реализации решений правительства, выяснить их мотивы к сотрудничеству, социальный статус, отношение к ним соплеменников; изучить влияние местных инициатив на формирование и проведение в жизнь политического курса, исследовать в связи с изменившимися условиями жизни трансформацию понятий «аманат», «граница» в казахском социуме и т.д.

В диссертационном исследовании делается акцент не на проблеме репрессий со стороны имперского центра в отношении подвластных народов, а на разнообразии стратегий по удержанию народов в орбите имперского влияния. В исследовании на первый план выходят люди, личности – чиновники различного ранга – как центрального, так и местного аппарата, включая казахских чиновников и простых кочевников.

В-третьих, назрела необходимость глубокого, всестороннего изучения имперского периода истории Казахстана, чтобы искоренить мифы и вымыслы; внести ясность в названия законодательных актов, определить функции учреждений, ответственных за политику в Казахской степи и дать им верное наименование, уточнив даты возникновения или роспуска, а также имена и биографические данные местных акторов.

Объектом исследования является Младший жуз казахов в составе Российской империи.

Предметом исследования является политика Российской империи в Казахской степи Оренбургского ведомства, которая включает нижеследующие области исследования: этапы формирования имперской политики по отношению к Казахской степи, методы ее осуществления, административно-территориальную организацию Степи после реформ первой половины XIX в., систему политических институтов, их полномочия и принципы взаимодействия, казахский социум и его элита.

В работе не исследуются открытые формы сопротивления, которые были реакцией на политику империи на окраине, в первую очередь, на изъятие казахских земель. В конце XVIII – первой половине XIX века территорию Младшего жуза казахов охватили восстания под руководством Сырыма Датова, Жоламана Тленши, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, Кенесары Касымова. Данные восстания получили освещение как в дореволюционной, советской, так и в современной историографии. В поле нашего исследовательского внимания оказались пассивные формы, говоря словами П. Верта, - «мирное сопротивление» населения.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с момента присоединения (1731) Младшего жуза к Российской империи и до середины XIX века. К этому времени меняется статус окраины, регион окончательно включается в состав империи и передается из-под контроля МИД в МВД. Население Младшего жуза обратилось «из полупокорного народа в настоящих» подданных. Название «Зауральская Орда» в официальных документах меняется на область казахов Оренбургского ведомства. Пограничная комиссия – главный орган, ответственный за разрешение пограничных конфликтов и осуществление связи с кочевой элитой – ханом, султанами, старшинами – выполнила свою миссию. Переименовав управленческую структуру на Областное правление оренбургскими

киргизами и изменив функции, она приступила к осуществлению новых задач.

Территориальные рамки исследования охватывают земли казахов Младшего жуза, т.е. Оренбургского ведомства или северо-западную и западную часть современного Казахстана.

Терминология, используемая в работе. Термин «киргизы Оренбургского ведомства» в законодательных актах появился в 1859 году. Думаем, что экстраполяция более поздней терминологии на ранние хронологические периоды вполне допустима, если она наиболее полно отражает содержание изучаемого явления или процесса.

Понятия «Младший жуз казахов», «Малая Орда», «Зауральская Орда», «Казахская степь», «Степь» используются в работе в качестве синонимов термина «Казахская степь Оренбургского ведомства».

В работе употребляется самоназвание этноса – «казахи», хотя в русских архивных документах XVIII–XIX вв. было принято название «киргизкайсаки», «киргизы». Об истоках ошибочных воззрений на название народа в 1865 году писал офицер генерального штаба подполковник Л. Мейер: «Киргиз – имя навязанное народу иностранцами; ни теперь, ни в прежнее время жители степи так себя не называли»¹.

Использованное в работе понятие «регион» включает в себя особую историко-географическую и административную систему, особым элементом которой является население².

Цель диссертации заключается в том, чтобы на основе архивных источников и опубликованных материалов изучить политику Российской империи в Младшем жузе казахов, создать целостную картину восприятия кочевниками империи и властных институтов, «посмотреть глазами» подвластных казахов и её элиты на политику империи в регионе и услышать

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб: Печ. в тип. Э.Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 2.

² Сухарев А.И. Проблемы регионологии: сб. статей. Саранск, 2001.

«голоса прошлого из степи». Исследование данных проблем должно заполнить существующий пробел в историографии изучаемой темы.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- изучить этапы становления российской административной политики в регионе;
- исследовать взаимодействия местных российских властей: Оренбургской Пограничной комиссии и военных губернаторов края;
- проанализировать изменения в системе управления и территориальное устройство в Казахской степи в период реформ 1824 и 1844 гг.;
- на основе анализа региональной политики выявить механизмы управления и институты, которые были введены в Младшем жузе казахов;
- рассмотреть, как казахское население воспринимало политику империи на окраине, как казахская элита отстаивала свои интересы и какие пути они выбрали для защиты своих интересов;
- выявить местные акторы, которые участвовали в реализации решений правительства;
- проанализировать как казахские депутации, отправленные в столицу, решали злободневные вопросы кочевников;
- выявить и изучить, как изменялось содержание многих понятий и терминов, в результате существенных трансформаций в статусе и положении как региона в целом, так и казахов Младшего жуза в частности.

Теоретическую и методологическую основу исследования составила концепция мир-системного анализа (МСА) И. Валлерстайна. Два основополагающих принципа задают вектор исследования: принцип историзма и междисциплинарности.

Положенные в основу исследования принципы, обусловили комплексный характер исследования, предполагающий совокупность методов. С целью диагностики разных граней исследования темы диссертации используется совокупность общегуманитарных и прикладных методов

научного познания. Данные методы и подходы рассмотрены в 1 главе диссертации.

Научная новизна работы заключена, во-первых, в самой постановке цели и задач исследования и в том, что она является первым исследованием, рассматривающим политику Российской империи в Казахской степи Оренбургского ведомства с позиций кочевого населения. В работе также исследуется отношение казахского социума к новым административным нормам и институтам, которое характеризуется как лояльностью казахской элиты и ее сотрудничеством с местной российской администрацией, так и активными и пассивными формами сопротивления.

2. В работе в хронологическом порядке рассмотрены этапы реализации юго-восточной политики империи, заложенной Петром I. На основе биографического, историко-типологического, историко-системного и других методов история Оренбургского края и Казахской степи изучается через деятельность ее начальников, реконструируется сам ход выработки отдельных положений законодательных актов, касающихся различных аспектов управления Степью, исследован процесс выстраивания отношений российских чиновников различного ранга между собой и их взаимодействия с местной элитой – казахскими чингизидами.

3. Изучен опыт империи по управлению кочевыми народами окраины калмыками, башкирами, а в отдельных случаях Кавказа.

4. Выявлены имена и время пребывания всех казахских султанов, потомков ханов Абулхаира и Нуралы, бывших аманатами-заложниками и, насколько возможно, прослежена их дальнейшая судьба. Установлено, что с 1735 по 1750 г. аманатами были четыре сына хана Абулхаира – Ералы (1735–1738), Кожа-Ахмет (1738–1748), Айшуак (1748–1749), Адиль (1749–1750), а в 1750–1771 гг. в заложниках находились 13 малолетних детей хана Нуралы.

5. Восстановлены имена всех султанов-правителей и исправляющих эти должности в трех частях Оренбургского ведомства, вводятся в научный оборот биографические данные этих личностей. Установлено, что 16

султанов были привлечены к данному институту власти. Из них двенадцать чингизидов были на должности султанов-правителей, а четверо, выполняя его функции, так и не получили эту должность, оставаясь исправляющими.

6. Изучены этапы открытия дистанций и восстановлены, насколько возможно, имена дистаночных начальников.

7. На основе анализа инструкций определены функции султана-правителя, дистаночного и местного начальника.

8. Вводится понятие «кочевая ментальная карта пространства», которая включает в себя такие понятия, как определение номадами в пространстве границ своих кочевий, понятие границы у казаха-кочевника. Кочевая ментальная карта пространства – это умственный конструкт. Казахи все пространство степи разделили между собой по родам. Кочевая ментальная карта пространства возникла вместе с формированием способа кочевания казахов.

9. Определено, что у казахов в XIX в. возникает «сложносоставная идентичность» и проанализировано соотношение места кочевания и идентичности человека. С точки зрения кочевника, он – казах, который принадлежит к определенному жузу, племени, роду. С другой стороны, учитывая факт деления территории Младшего и части Среднего жуза согласно реформе 1824 года на три части, он принадлежал к определенной части, определенному ведомству, в нашем случае, Оренбургскому, а также был под управлением определенного султана-правителя части, дистаночного начальника. Однако доминантой остается идентификация личности по родо-племенной принадлежности.

10. Изучается процесс проведения границы между казахами Оренбургского и Сибирского ведомств, создание карт региона, участие казахов в топографо-геодезических экспедициях. Карты рассматриваются как

некий результат закрепления процесса освоения казахских степей Российской империей и «научное завоевание»³ новых территорий.

11. На основе новых архивных источников в научный оборот вводятся сведения о мундире казахского чиновника с зарисовками председателя ОПК Г.Ф. Генса и предложениями султана-правителя Ахмета Джантюрина.

12. Воссоздается политический портрет последнего хана из дома Абулхаира – Шергазы Айшуакова, восстановлены биографические данные, обнаружены письма, прошения и жалобы хана на оренбургского военного губернатора П.К. Эссена в столицу.

13. Впервые изучается деятельность «Комитета, учрежденного для разделения Орды оренбургских киргизов» под руководством Ф.Ф. Берга, образованного по инициативе главного начальника Оренбургского края П.К. Эссена для реализации решений Азиатского комитета 1824 г. Определен состав комитета, проанализирована его работа при проведении границ трех частей и утверждения их состава. Определены места ставок султанов-правителей и исправляющих эту должность.

14. Автором прослежены этапы создания российской администрацией приставской системы управления, характерной для кочевого населения окраин. Данный институт прошел путь от административного лица при калмыцком и казахском ханах до становления целой системы управления. Проанализированные инструкции для приставов при калмыцком хане Аюке и казахском хане Шергазы, пристава для кочевых народов Кавказа Макарова показали, что они соответствуют интересам и задачам государства, вытекающим из конкретно-исторической обстановки. По мере совершенствования государственного устройства они закрепляются законодательно, в зависимости от исторической ситуации трансформируются или же аннулируются из практики.

15. В работе рассматривается институт попечительства, его функции. Восстанавливаются, насколько это возможно, имена чиновников,

³ Термин заимствован у А. Ремнева

исполнявших эту должность. Сравнение инструкций, созданных для попечителя 9-го башкирского кантона и для попечителей прилинейных казахов, позволило сделать вывод, что российская администрация учитывала степень интеграции этих районов в российское общество, их систему управления (например, кантонную – в управлении Башкирией).

16. Жалобы, а также слухи, распространяемые в Степи, рассматриваются как пассивные формы протеста. Жалобы были направлены на отстранение казахских чиновников от должности, решение острых проблем, а слухи, которые иногда приводили к откочевке (тоже одна из форм протеста кочевников, широко распространенная еще с эпохи средневековья) к границам среднеазиатских ханств, в некоторых случаях задерживали выполнение определенных работ на территории Младшего жуза.

17. Новизна исследования определяется и характером используемых источников, введением в научный оборот большого количества архивных документов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретико-методологические подходы, использованные в работе, изучение механизмов управления империей можно применить при исследовании других регионов, что поможет реконструировать целостную картину формирования имперской политики.

Созданный нарратив поможет следующим исследователям сориентироваться в изучении политики Российской империи на окраине, результаты могут быть использованы при написании научных трудов. Работа представляет интерес как для научных исследователей, так и для тех, кто изучает историю Казахстана нового периода. Содержание диссертации может быть также использовано преподавателями вузов и учителями школ при подготовке элективных курсов (спецкурсов).

Степень изученности темы. Историография проблемы и подробный ее анализ представлен в I главе исследования. Работы разделены по хронологическому принципу на 3 периода: дореволюционный, советский,

постсоветский. Автором привлечены к анализу труды на казахском, русском и английском языках, затрагивающие различные аспекты истории казахско-русских взаимоотношений.

Источниковая база исследования. Большой комплекс разнообразных материалов дает солидную документальную основу для всестороннего исследования заявленной проблемы. Документальные материалы были извлечены из крупных архивохранилищ Российской Федерации и Республики Казахстан: Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГААстрО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), отдела рукописи Российской государственной библиотеки. Также были привлечены опубликованные материалы. Характеристика, классификация источников по видовому составу и их анализ представлен в I главе диссертации.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы обнародованы в двух монографиях: «XVIII ғасырдағы қазақ-башқұрт ара қатынастарындағы саяси және этникалық үрдістер» (Актобе: ПринтА, 2008), «Казахи Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века». (Москва: Press-book, 2018).

Кроме того, ряд положений изложен в 53 публикациях, из которых 21 опубликованы в международных журналах, входящих в базу данных Web of Science, Scopus, RCSI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальностям 07.00.02 – Отечественная история и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Результаты работы, отдельные ее положения прошли апробацию на международных конгрессах и конференциях 2009–2017 гг.: в Будапеште,

Венгрия (ESCAS 11th Biennial conference, Central European University, 2009); Оренбурге (VIII конгресс этнографов и антропологов России, 2009); Мичигане, США (Central Eurasian Studies Society (CESS), 11th Annual Conference, Michigan State University, 2010.); Кембридже, Великобритания (ESCAS 12th Biennial conference, 2011); Санкт-Петербурге (Этнографические чтения «Праздники и обряды как феномены этнической культуры», 2011); Урумчи, Китай (International Academic Conference, «Prairie Silk Road and the Prospects for International Economic Cooperation in the Trans-Altay Region», 2012); Индиане, США (CESS, 13th Annual Conference, Indiana University, 2012); Москве (X конгресс этнографов и антропологов России, 2013); Астане, Казахстан (ESCAS 13th Biennial conference, Nazarbaev University, 2013); Осаке, Япония (5th East Asian Conference on Slavic Eurasian Studies, 2013); Москве (Международные научно-практические конференции «От Тюркского эля к Казахскому ханству», 2015 и «Казахстан во всемирной истории: вечные ценности и новые горизонты», ИСАА, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016); Омске (международная конференция «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII–XIX вв., 2017); Оренбурге (IX Большаковские чтения, «Оренбургский край как историко-культурный феномен», 2018).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите кафедрой истории России XIX века – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, приложений.

Основное содержание диссертации

Во введении дается обоснование актуальности темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические рамки, даны определения базовых терминов, указаны цель и задачи исследования, его научная новизна и практическая значимость. Сформулированы основные

положения, выносимые на защиту, описывается апробация основных результатов исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические основы и методы осуществления исследования» посвящена анализу и характеристике использованных источников, классификации их по видам, раскрытию историографии проблемы, обоснованию и изложению теоретико-методологических основ и методов осуществления исследования.

Параграф 1.1. «Методологические особенности и методы реализации исследования». Основной методологической базой исследования является концепция мир-системного анализа И. Валлерстайна⁴, согласно которой, весь исторический процесс предстает как процесс становления и развития современной мир-системы, исторические системы не отождествляются с формацией либо цивилизацией, они могут быть представлены как варианты единиц истории. Мир-системный методологический подход позволяет проводить исследование динамики исторического развития на стыке различных пространственно-временных уровней социальной реальности⁵. Для данного исследования они следующие: макроуровень – использовался для выявления закономерности эволюции исторического процесса; микроуровень позволил анализировать отдельные вопросы сложного взаимодействия Российской империи и Казахской степи Оренбургского ведомства.

Выделение из всех методологических подходов мир-системного анализа актуализировано обостренной потребностью интерпретировать изучаемую тему адекватно современным общественным реалиям. Этому способствуют триединство основополагающих характеристик мир-системного подхода, выделенные И. Валлерстайном: фокус на миросистемы, а не национальные государства; необходимость рассматривать исторические процессы с учетом их развития на длительных отрезках времени; объединение в единую аналитическую структуру областей знания, которые принято считать

⁴ Валлерстайн И. Мир-системный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.

⁵ Фурсов А.И. Развитие азиатских обществ в XVII – начале XX в. Вып.3: Мир-системный подход. М., 1991. 71 с.

отличными друг от друга: истории, политологии, экономики, социологии. Иными словами – междисциплинарность⁶. Методологическое видение и восприятие миросистемы как социальной реальности, состоящей из связанных между собой стран, классов, групп, идентичностей явилось для нашего исследования основополагающим подходом.

Концепция «основных исторических понятий» Райнхарда Козеллека изучает возникновение нового терминологического аппарата, трансформацию понятий под влиянием социально-политических факторов на развитие общества⁷. В нашем случае, данная концепция помогает объяснить через трансформацию понятий «аманат», «граница», «идентичность кочевника» изменения, происходившие в казахском обществе под влиянием российской политики в XVIII–XIX веках.

В работе использовались общенаучные подходы и методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, представляющие в системном подходе. Системный анализ в данной диссертации нацелен, прежде всего, на исследование системы управления как части Казахской Степи, так и региональной политики Российской империи в целом; на исследование отдельных частей системы взаимоотношений управления как отдельных элементов единой иерархии всей политики государства с регионами.

Региональный подход помог выйти за пределы сложившегося исторического образа Российской империи. Представители данного методологического подхода А. Каппелер, К. Мацузато рассматривают Российскую империю как конгломерат или пространство макрорегионов, которую возможно изучать на региональном, межнациональном, наднациональном уровнях⁸. Через призму такого подхода взаимодействие

⁶ Валлерстайн И. Указ. соч.

⁷ Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. / пер. с нем. К. Левинсон / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: Нов. лит. обзор., 2014. С. 24.

⁸ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.; Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 21.; Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост. И.В. Герасимов [и др.]. Казань: Центр Исслед. Национализма и Империи, 2004. С. 42.

разных этнических групп выступает основой для политического, социального, культурного процессов, происходящих на определенной территории.

Метод критического анализа позволил проанализировать исторические источники с целью выявления достоверной информации и реконструировать историческую действительность присутствия России в Казахской степи Оренбургского ведомства. Описательный историко-генетический метод, который раскрывает свойства и функции исторических явлений, использовался в данном исследовании для анализа генезиса проводимых имперскими властями реформ, процессов формирования, конструирования и трансформации институтов административного управления Казахской степью. При исследовании роли личностей по теме, – ханов из дома Абулхаира, Шергазы Айшуакова, султанов-правителей и др. - использовался историко-биографический метод. Среди заимствованных методов исследования: сравнительно-правовой, институциональный, контент-анализ.

Все вышепредставленные методологические подходы и методы используются в комплексе, дополняют друг друга и предоставляют возможности для всестороннего изучения темы исследования.

В центре внимания параграфа 1.2 «Историография проблемы» вопросы историографических дискурсов и нарративов в отношении различных аспектов казахско-российских отношений.

Сформированные в дореволюционный период теоретико-методологические принципы и историографические подходы были отражением политических и стратегических задач Российской империи. Одной из особенностей историографии этого времени была причастность авторов многих научных трудов к государственной службе, что выражалось в «государственном интересе» к проблемам истории и современности. Обер-секретарь Сената И.К. Кирилов (1695–1737) – автор первого полного историко-географического и экономико-статистического труда по истории

Петровской России⁹. Его труд представляет собой справочное пособие для чиновников империй. С именем П.И. Рычкова связана первая официальная история Оренбургского края¹⁰. В.М. Бакунин рассматривает историю калмыков XVII–XIX вв. и их правовое положение в составе России, затрагивает историю казахско-калмыцких отношений¹¹.

Ценным является труд А.И. Левшина, который представил историю русско-казахских отношений XVI–начала XVIII вв., описал сложные взаимоотношения казахов с башкирами, калмыками, джунгарами и мероприятия Российской империи в крае¹². В.В. Вельяминов-Зернов подробно описал историческую ситуацию, сложившуюся в период правления хана Нуралы, борьбу за власть между султанами дома Абулхаира и Каипа в Младшем жузе, изучил этапы истории дипломатических и торговых отношений России с Бухарским, Кокандским и Хивинским ханствами¹³. В.Н. Витевский рассмотрев политику правительства в регионе, обратил внимание на неразделенность их функции. По мнению автора, в первой половине XVIII в. «отдаленность Оренбурга от центра и обширность подчиненной им территорий делали из них как-бы независимых правителей»¹⁴.

Дореволюционные исследователи уделяют внимание и изучению реформы 1824 г., но здесь встречаются фактические ошибки и суть реформы рассматривается с позиции имперских чиновников. Внедрению политических институтов Российской империи в казахские жузы посвящены работы Л.

⁹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. В 2-х кн. М.: Университет. тип., 1831. Кн. 1. 184 с.; Кн. 2. 202 с.

¹⁰ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1887. 405 с.; Его же. История Оренбургская (1730–1750) / под ред. Н.М. Гутьяра. Оренбург: Типолит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.

¹¹ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 5.

¹² Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под ред. акад. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

¹³ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азией со времени кончины Абул-Хаир хана (1748–1765). Уфа: Губер. тип., 1853. Т. 1. 131 с.; Т. 2. Уфа, 1855. 64 с.

¹⁴ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года: в 5 т. Казань: Типолит. В.М. Ключникова, 1889–1897. 962 с. +прил. 198 с.

Мейера, И. Казанцева¹⁵. В.В. Григорьев призывал учитывать особенности развития кочевого общества¹⁶.

В последней трети XIX – начале XX вв. преобладающим в работах исследователей становятся вопросы, связанные с изучением социально-экономического развития кочевого общества, что объясняется переселенческой политикой империи. И.И. Крафт в хронологическом порядке восстановил историю и политику российской администрации в Оренбургском крае на основе законодательных актов¹⁷. А.И. Добросмыслов связывал неудачи в преобразовании системы управления в Малой Орде с не изученностью Степи и ее обитателей¹⁸. П.И. Румянцев мероприятия российской администрации в Степи со времени официального принятия казахами российского подданства и вплоть до середины XIX в. по урегулированию внутренних конфликтов трактует как безрезультативные, так как не были прекращены барымта, набеги кочевников на линии¹⁹.

Подводя итоги изучения дореволюционной историографией вопросов казахско-русских отношений, политики империи в Казахской степи, отметим, что центральная проблема в изучении заключалась в инкорпорации казахов Младшего жуза в состав Российской империи, роли Абулхаира, А. Тевкелева в этом процессе, причинах, подтолкнувших казахского хана на этот шаг. Административно-территориальные реформы 1824 и 1844 годов также вскользь рассматриваются в трудах дореволюционных авторов. Представители данной эпохи уклонялись от подробного анализа и критики преобразований, допуская неточности и фактические ошибки. Важность дореволюционных работ заключается в том, что многие авторы были современниками событий, служили в местной администрации, поэтому

¹⁵ Мейер Л. Указ. соч.; Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип.тов-ва «Общественная польза», 1867. 231 с.

¹⁶ Григорьев В.В. Письма из Зауральской степи. М.: Тип. Бахметева, 1862. 24 с.; Его же. Русская политика в отношении Средней Азии: Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1874. 30 с.

¹⁷ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-лит. П.Н. Жарикова, 1898. 884 с.

¹⁸ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Тверь: Типо-лит. Н.М. Родионова, 1902. Вып. 17. С. 257–524.

¹⁹ Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.

наблюдения, оставленные ими, являются ценными для нас. В трудах дореволюционных авторов сохранились сведения из устного исторического знания казахов.

В советский период происходит пересмотр позиций ученых в вопросе политики России по отношению к национальным окраинам империи и их роли в строительстве самой империи. Многие достижения дореволюционной историографии в области политической истории Казахстана были игнорированы или рассматривались с принципиально новых, классовых позиций. Советская идеология и программы партии влияют не только на все сферы жизни советского человека, но и на развитие исторической науки.

Историк-марксист С.Д. Асфендияров был первым, кто рассмотрел вопросы присоединения Казахстана, роли региона в составе России с позиций нового подхода. В трудах С. Асфендиярова, А.Ф. Рязанова политика России на окраинах оценивалась как завоевательная²⁰.

В 40-е годы XX в. меняется оценка имперского периода России, процесс инкорпорации казахов в состав России и его прошлое оценивается как «наименьшее зло». М.П. Вяткин проанализировал международную обстановку и внутреннее положение Младшего жуза казахов²¹, отметил различное понимание «подданства» ханом и его сторонниками, с другой стороны, царским правительством. Е. Бекмаханов²² рассмотрел социально-экономическое и политическое развитие Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX в., изучая движение под руководством К. Касымова, последовательно воссоздал картину действий повстанцев. Н.Г. Аполлова в своих трудах раскрывает характер казахско-башкирских, казахско-калмыцких отношений. Анализирует причины принятия подданства казахами Младшего

²⁰ Рязанов А.Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа. Ч. 1. Восстание султана Каратая Нуралиева (1797–1826). Кызыл-Орда: Труды общ-ва изучения Казахстана, 1926.; Асфендияров С. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанск. краевед. изд-во, 1935. 262 с.

²¹ Вяткин М.П. Журнал оренбургского муфтия (1786–1790) // Исторический архив. М.; Л., 1939. С. 45–60; Его же. Батыр Срым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 392 с.; Его же. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII – начале XIX вв. // Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV (1785–1828 гг.) / под ред. М. Вяткина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 3–39.

²² Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. / под общ. ред. д.и.н., проф. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Каз. объедин. гос. изд-во, 1947. 391 с.

жуза²³. В этот период постепенно утверждается концепция «прогрессивности» и «исторической обусловленности» присоединения Казахстана к России.

В 60-е – 80-е годы выходят работы, исследовательский фокус которых был направлен на изучение политического и социально-экономического положения казахских земель в составе России, определение главных причин продвижения России в Среднюю Азию. К числу таких работ относятся труды В.Я. Басина, С.З. Зиманова, М. Рожковой, Н.С. Киняпиной²⁴.

Распад Советского союза и появление независимых государств на бывшей карте СССР подтолкнул научное общество этих стран к выявлению «белых пятен» в национальных историях, пересмотру установившихся концепций. В национальных историографиях меняется оценка присоединения окраин к Российской империи, роли элит в этом процессе.

В начале 90-х гг. в Казахстане актуальным становится изучение роли ханов и султанов в истории. В центре внимания оказались два хана, деятельность которых в советской историографии часто противопоставлялась, оцениваясь в зависимости от доминирующей концепции. Такими историческими фигурами явились хан Младшего жуза Абулхаир и хан Среднего жуза Абылай. В этот период вышли в свет труды Ж. Касымбаева, И.В. Ерофеевой, Э. Мұхтар²⁵. Под руководством С.Е. Ажигали группа исследователей, изучив несколько захоронений в некрополе «Хан моласы» на

²³ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: Тип. ЦК КП(б) К., 1948. 256 с.

²⁴ Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // Казахстан в XV–XVIII веках. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969. С. 51–145; Его же. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1971. 275 с.; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960. 295 с.; Рожкова М. Экономические связи России со Средней Азией 40 – 60-е годы XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 238 с.; Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. №4. С. 35–47; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 328 с.; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.

²⁵ Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Т. 1. Алматы: Білім, 1999. 288 с.; Его же. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой половине XIX вв. Хан Айшуак (1719–1810). Т. 2. Алматы: Жеті жарғы, 2001. 258 с.; Его же. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой половине XIX вв. Хан Жанторе (1759–1809). Т. 3. Алматы: Білім, 2001. 364 с.; Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с. Ее же. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX веков // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд-Сорос Казахстана, 1997. С. 46–144; Мұхтар Э. Тарих тұңғығындағы тұлғалар (XVIII – XIXғғ.): ғыл. мақала жинағы. Алматы: Арыс, 2008. 240 с.

территории Актюбинской области Республики Казахстан идентифицировали останки хана Абулхайра²⁶.

Б.М. Абдрахманова, рассматривая Казахстан как социокультурную и географическую целостность, входившую в состав Российской империи, исследовала нормативно-правовые аспекты административных институтов, созданных российской администрацией в XIX в. для управления казахами²⁷.

Анализу отдельно взятых районов при понимании их значения как звена в имперской системе управления регионом посвящены работы Г.С. Султангалиевой, Ж.Б. Кундакбаевой, Г.Т. Мусабалиной²⁸.

Изучение трудов, биографий первых казахских чиновников региональной администрации в казахстанской историографии не получили еще должного освещения. Лишь в трудах Э.А. Масанова, Н.Э. Масанова и Н. Ивлева, И.В. Ерофеевой, В.З. Галиева изучается деятельность первых казахских чиновников, краеведов, их вклад в изучение истории, культуры казахского народа²⁹. Г.С. Султангалиева, рассматривая процесс инкорпорации казахов Оренбургского ведомства в имперскую систему управления, обратила внимание на формирование нового сословия – казахских чиновников³⁰. Ею также выявлены разные уровни института приставства на территории Степи, проанализирована деятельность приставов при казахских делегациях, отправленных в столицу, и пристава при казахх Старшего жуза³¹.

²⁶ «Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». Материалы II междунар. научной конфер., посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы-Актобе, 2011. 404 с.

²⁷ Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана: [б/и], 1998. 136 с.

²⁸ Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.) Уфа: РОИ РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 262 с.; Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. М.: АИРО – XXI; СПб.: Дм. Буланин, 2005. 304 с.; Мусабалина Г.Т. Общественно-политическая жизнь Восточного Казахстана в XIX веке: исторический анализ: автореф. дис. ... док. ист. наук. Алматы, 2010. 40 с.

²⁹ Масанов Э. Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1996; Ивлев Н., Масанов Н. Видный казахский ученый С. Бабаджанов // Вестник АН КазССР. 1982. № 4.; Ерофеева И.В. Т. Сейдалин – просветитель, этнограф, правовед // Новое поколение, 1993. №20–21; Галиев В.З. Караванные тропы. (Из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX веков). Алматы: Атамұра, 1994. 128 с.

³⁰ Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Journal of Slavic Research Center. Acta Slavica Iaponica. Hokkaido University, 2009. Tomus 27. PP.77–101.

³¹ Султангалиева Г.С. От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. // Кочевые народы Центральной Азии XVIII–XIX вв: сравнительно-исторический

В российской историографии процесс присоединения Казахстана, различные аспекты политики Российской империи в регионе рассматриваются в работах В.В. Трепавлова, Н.Е. Бекмахановой, С.В. Горбуновой, Е.В. Безвиконной³². Д.В. Васильев, проанализировав политику России по организации административного управления в трех жузах Казахской степи, утверждает о наличии и реализации Российской империей единых региональных политических подходов³³.

Российский ученый А. Ремнев разработал теоретическую модель организации регионального управления и региональной административной политики на примере Сибири³⁴. Вводя в научный оборот концепции «имперской географии власти», понятие «имперское пространство в региональном измерении», он изучил общие принципы и динамику территориальной организации управления Сибирью, определил специфику институционального устройства местных и центральных государственных органах.

анализ политики Российской империи: сб. научных статей. / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: Казак университеті, 2015. С. 237–265.

³² Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 256 с.; Его же. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI–XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Институт российской истории РАН. М.: Наука, 2006. 363 с.; Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.; СПб.: Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.; Бекмаханова Н.Е., Нургалиева А.М. К вопросу о различиях в методах управления казахами в XIX в. администрациями Оренбургского и Сибирского ведомств: социально-экономический и конфессиональные аспекты // Этнопанорама. 2006. № 3–4. С. 50–53; Горбунова С. В. Оренбургская пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1998. 18 с.; Безвиконная Е.В. Административная политика самодержавия в Степном крае (20 – 60-е гг. XIX в.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2002; Ее же. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20 –60-х гг. XIX в. Омск: Изд-во ОГИ, 2005. 240 с.

³³ Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII–первая половина XIX века. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.; Его же. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – I половина XIX в.): автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 2017. С. 44.

³⁴ Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сб. статей. М.: Б/и, 2001. С. 317–344; Его же. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX вв.: Некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. С. 97–125; Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.) / под ред. П. И. Савельева. М., 1997. С. 5–19; Его же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995. 237 с.; Его же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 552 с.

С.В. Любичанковский в своих трудах изучил деятельность О. Игельстрома по реформированию Казахской степи, а также обратил внимание на политику исламизации казахов и ее изменению в XIX в.³⁵. Работы российского историка права Р.Ю. Почекаева посвящены определению места и статуса Казахской степи XVIII–XIX вв. в законодательных актах Российской империи³⁶.

Работа австрийского историка Андреаса Каппелера «Россия – многонациональная империя» дала импульс к становлению зарубежом историографического направления – «новая история империи». Рассматривая Российскую империю как полиэтничное государство, он проводит анализ взаимоотношений центра и его властных элит с нерусским населением окраин³⁷. М. Ходарковский посвятил свои труды исследованию истории России XVI–XVIII вв., изучению процесса присоединения окраинных народов к России, в том числе казахов. Он описывает средства и способы, посредством которых Россия строила отношения со своими подданными³⁸.

Возможности применения западных концепций при изучении истории Российской империи и ее юго-восточных окраин, рассмотрение самой России как «Востока» и ее восприятие своих азиатских окраин, деятельность В. Григорьева в Оренбургском крае, изучение проблем этнографии получили развитие в работах Р. Роббинса³⁹, Д. Брауэра⁴⁰, С. Б. Глея⁴¹, Н. Найта⁴², Адиб

³⁵ Любичанковский С.В. Реляции О.А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // Уральский ист. вестник. 2013. № 2. С. 102–107; Idem. Orenburg Policy of Kazakh's Islamization and the Reason of its Change in the XIX Century // Conference. Changing patterns of power in historical and modern Central and Inner Asia. 7–9 august/ 2014. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar University, 2014. P. 45.

³⁶ Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: от правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. №2. С. 85–96; Его же. Статус Казахстана в составе Российской империи в первой половине XVIII в. // Памятники российского права. В 35 т. Т. 5. Памятники права 1725–1762: учебно-научное пособие / под общ. ред. д.юр.н., проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 209–220.

³⁷ Каппелер. А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция - Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

³⁸ Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600 – 1771. Ithaca, 1992; Idem. Ignoble Savage and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997; Idem. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 290 p.

³⁹ Robbins Jr. R. G. The tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca and Lnd: Cornel University Press, 1987. 328 p.

Халида⁴³. В. Мартин обратила внимание на различное толкование термина барымта в казахском социуме и у российской администрации⁴⁴.

Таким образом, представленный анализ исторической литературы позволяет нам сделать вывод об отсутствии специального исследования по нашей проблеме.

Параграф 1.3 «Источниковая база исследования и ее характеристика» посвящен анализу и классификации источников, на основе которых проводилось исследование.

Работа написана на широком круге источников, причем большая их часть извлечена из архивов и впервые введена в научный оборот. В исследовании использованы документы 25 фондов четырех центральных архивов (АВПРИ, РГАДА, РГВИА, РГИА), Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Оренбургской области и Центрального государственного архива республики Казахстан.

В отделе рукописи Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в фонде Панины (Ф. 222/8) обнаружен уникальный исторический источник «Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771)», принадлежащий перу П.И. Рычкова.

В качестве источниковой базы для выполнения поставленных в работе цели и задач были также привлечены к анализу ранее опубликованные материалы⁴⁵.

⁴⁰ Brower D. Imperial Russia and its Orient: The renown of Nikolai Przhevalsky // Russian Review. Stanford, 1994. Vol. 53. N. 3. P. 367–381.

⁴¹ Glay C.V. Russian ethnographers in the service of Empire, 1856 – 1862 // Russian Review. Stanford, 1995. Vol. 54. N.1. P. 46–61.

⁴² Knight, N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. Washington, 2000. Vol. 59. N.1. P. 74–100.

⁴³ Khalid A. Russian history and the debate over orientalism // Kritika. N.S. Bloomington, 2000. Vol. 1. N. 4. P. 691–699.

⁴⁴ Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. /сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 360–388.

⁴⁵ История Казахстана в документах и материалах: альманах. В 3 вып. Вып. 1. Алматы: Изд-во LEM, 2011. 436 с.; Вып. 2. Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. 438 с.; Вып. 3. Караганда: Экожан, 2013. 496 с.; История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. III. 484 с.; Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007; Т. VIII. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. Часть 2. Оренбургское

Первую группу источников составили законодательные источники. На основе анализа этой группы документов выявляется цель и содержание российской имперской политики в Казахской степи, выстраивается характер взаимоотношений работы государственных учреждений. К данной группе источников относятся указы, проекты, инструкции, положения, приказы, грамоты. Важными для исследования стали инструкции, выданные И.К. Кирилову в 1734 году, А. Тевкелеву для возвращения бежавших в Казахскую степь башкир после восстания 1755 г.⁴⁶, инструкции для пристава П. Карсакова при казахском хане Шергазы⁴⁷, для попечителя 9-го башкирского кантона⁴⁸, для казахских попечителей⁴⁹.

Делопроизводственная документация позволяет воссоздать характер взаимоотношений между Петербургом – Оренбургом – Степью. Важными среди них являются отчеты и журналы.

Ежегодные отчеты и доклады генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов представлялись с 1804 г. по 1916 г. Подлинные отчеты отложились в фондах Комитета и Совета министров (Ф. 1263 и Ф. 1276) РГИА, копии в фондах Департамента общих дел МВД (Ф. 1284), Совета министра внутренних дел (Ф. 1281), Канцелярии министра внутренних дел (Ф. 1282). В РГИА, в фонде 1281 – Совет Министра внутренних дел,

ведомство. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 962 с.; Казахские чиновники на службе Российской империи: сб. док. и матер. / отв. ред. Г.С. Султангалиева; сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаетова. Алматы: Казак университеті, 2014. 418 с.; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: сб. док и матер. / под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. 743 с.; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: сб. док и матер. / сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин и др. Алма-Ата: Наука, 1964. Т. 2. 575 с.; Материалы по истории Башкирской АССР: в 5 т. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.; Т. 4: Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. / под ред. А.Н. Усманова. М.: Наука, 1956. Ч. 1. 494 с.; Ч. 2. 665 с.; Материалы по истории Казахской ССР / под ред. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. Т. 2. Ч. 2. 457 с.; Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828) / под ред. М.П. Вяткина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.; Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой социалистической революции) / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. Т. 1. 441 с.; Материалы по истории России: сб. указов и др. документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края: в 2 т. / сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург: Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. 1: 1734 год. 303 с.; Прошлое Казахстана в источниках и материалах: в 2 т. / под ред. С.Д. Асфендиярова. 2-е изд. Алматы: Қазақстан, 1998. Т. 2. 350 с.; Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-лит. Н.Н. Жарикова, 1898. 532 с.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 207–222.

⁴⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л. 282–302.

⁴⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 3–12 об.

⁴⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 100–107.

сохранились отчеты военного губернатора Оренбургской губернии, начиная с 1836 г.⁵⁰. В личном фонде В.В. Григорьева сохранились отчеты генерал-адъютанта Перовского и генерал-губернатора Катенина по управлению Оренбургским краем⁵¹.

«Отчет по управлению оренбургскими киргизами» строился на сведениях, изъятых из отчета Оренбургской Пограничной комиссии (далее – ОПК), который предоставлялся ежегодно в Азиатский департамент МИД. В РГИА в фонде 1281 – Совета Министра внутренних дел находятся отчеты губернии по киргизской степи за 1843–1848, 1851 и 1852 гг.⁵². В ЦГА РК в 4 фонде отложились данные отчеты за 1841 год⁵³ и за 1843 год⁵⁴. В ГАОО в 6-м фонде отложился «Отчет по управлению киргизским краем» за 1839 г. В.А. Перовского⁵⁵. Фонд 1291 – Земский отдел МВД РГИА отложились «Годовые отчеты Оренбургской Пограничной комиссии по управлению киргизами» с 1845 г. по 1855 г.

В исследовании использовались журналы заседаний Азиатского Комитета (канцелярский, официальный) и журналы начальников Оренбургского края, чиновников региональной администрации (дневниковая форма фиксации событий).

К этой же группе относятся: записки, рапорты, донесения, формулярные списки чиновников, экстракт, справки, выписки, список достойнейших и влиятельных казахов и т.д. В РГИА в фонде 1251 отложилась «Записка статского советника Тимковского об Оренбургской линии», где приводится детальный анализ всех документов, касающихся последнего хана Младшего жуза Шергазы⁵⁶. «Замечания» председателя ОПК М.В. Ладыженского представляют собой рассуждения чиновника по

⁵⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. 1842 год. Д. 146.

⁵¹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

⁵² РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. 1844 год. Д. 98.; 1845 год. Д. 97.; 1846 год. Д. 121.; 1847 год. Д. 102.; 1848 год. Д. 95.; 1849 год. Д. 96.; Оп. 5. 1852 год. Д. 88.; 1853 год. Д. 125.

⁵³ ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 3741.

⁵⁴ ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 366.

⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4903.

⁵⁶ РГИА. Ф.1251. Оп. 1. Д. 32.

совершенствованию организации управления казахами Оренбургского ведомства⁵⁷. «Записка о состоянии Западной части Орды и Уральской линии» Ф.М. Лазаревского представляет собой анализ «увиденного и услышанного» автором в течение полутора лет во время командировок в Степи⁵⁸.

«Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771 гг.)» П.И. Рычкова включает краткое, самое существенное содержание дела с приведением выдержек из архивных документов, а также все этапы решаемого вопроса.

Формулярные списки чиновников дали возможность восстановить имена и биографические данные казахских чиновников, позволили уточнить генеалогию казахских чингизидов, дополнить сведения о семейном положении и т.д.

«Список должностных, влиятельных лиц казахов» или «Алфавитный список о почетнейших и влиятельнейших ордынцах» определенной части, начиная с 40-х гг. XIX в., был широко распространен в делопроизводстве. Он шел приложением к основным донесениям чиновников ОПК его председателю, а также оренбургскому военному губернатору. «Список» схож по характеру с формулярным списком, но здесь очень много уточнений, начиная с информации о территории кочевания, антропологических данных исторической личности, взаимоотношений его с соплеменниками и т.д.

Письма казахских ханов позволили более целенаправленно изучить реакцию казахской элиты на действия и политику российской администрации в Степи⁵⁹. В диссертационном исследовании впервые вводятся в научный оборот письма хана Шергазы Айшуакова, обнаруженные в фондах РГИА.

Материалы личного происхождения: жалобы, прошения составили следующую группу источников. Прощения султанов-правителей, хана

⁵⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222.

⁵⁹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821.: Сб. ист. док. В 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. Т. 1. 696 с.; То же. Т. 2. 1032 с.

Шергазы о назначении пенсии, о прибавке жалованья, об отставке формируют представление о порядке разрешения возникающих проблем с помощью обращения к российской администрации и о жизни в Степи после проведения административных реформ.

Особую группу составляют картографические материалы, которые позволили изучить процесс деления территории казахов Оренбургского ведомства на три части, проследить поэтапно процесс определения границ Оренбургского и Сибирского ведомств. Автором привлечены карты, сосредоточенные в фондах РГВИА, РГИА. Весь массив источников позволяет решить поставленные в работе задачи.

Глава вторая «Формирование Казахской степи как окраины Российской империи» изучает становление «казахского» направления в юго-восточной политике империи, инкорпорацию Младшего жуза в состав Российского государства и рассматривает реализацию юго-восточной политики империи оренбургскими начальниками в XVIII в. Глава состоит из четырех параграфов.

В параграфе 2.1 «Казахские жузы в начале XVIII века» изучаются территория, родоплеменной состав трех казахских жузов, социальная структура казахского общества.

Во второй половине XVII – первой трети XVIII века внешние границы казахов Младшего жуза соприкасались с башкирами, калмыками, казаками, туркменами, каракалпаками, узбеками, джунгарами. Это были разные по образу жизни, языку, культуре, религии народы. На протяжении этого периода область расселения казахов Младшего жуза была территорией столкновения с соседними обществами за пастбища, водные ресурсы и за контроль важных торговых путей.

В феврале–марте 1723 года джунгарские войска вторгаются на территорию Казахского ханства. Под их натиском казахские племена Младшего и Среднего жузов начали откочевывать на север и запад от Туркестана, оттесняя тем самым на севере башкир, удалившихся за реку Яик

(Урал), на западе (за Эмбой, в среднем ее течении) – волжских калмыков⁶⁰. Джунгарская агрессия и столкновения за водные источники с башкирами подтолкнули казахского хана Абулхаира к принятию Российского подданства.

После обращения Абулхаира, 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о новых подданных империи. С 30-х годов начался процесс превращения Казахской степи в одну из окраин Российской империи.

В параграфе 2.2 «Принципы и механизмы имперского управления окраиной в XVIII веке» на основе анализа правительственной политики по отношению к кочевым народам империи изучается роль и место в империи Казахской степи, Южного Урала и Северного Прикаспия, реконструируются основные принципы и методы региональной политики России в XVIII в.

В начальный период включения казахов Младшего жуза в состав Российской империи центр искал те механизмы, системы управления, которые бы прекратили участие казахов в башкирских восстаниях, а также помогли бы достичь выполнения казахскими правителями данных ими политических обязательств. Центр обращается к институту аманатства, который широко применялся Российской империей во внутренней политике.

Аманатство имело правовое, морально-этическое значение в традиционной казахской среде. Казахи понимали под аманатством наказ, обязанность, непременно исполнение взятых на себя обязательств. В казахском понятии человек, взявший аманат, до возвращения его был в долгах перед Всевышним, отвечал своим достоинством и жизнью. В российском понимании аманаты – заложники, гаранты соблюдения соглашений.

Дистанция в толковании аманата между казахскими культурными и русскими политическими представлениями заставила пересмотреть его значение казахской элите в середине 40-х годов XIX в. Измененное значение слова «аманат» постепенно структурируется в кочевой среде, приобретает новое социально-политическое значение в казахско-русских отношениях.

⁶⁰ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года. Казань, 1897. Вып. 1. С. 135.

В параграфе 2.3 «Оренбургские начальники и имперские практики» раскрывается деятельность главных начальников Оренбургского края И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, В.А. Урусова, И.И. Неплюева по реализации юго-восточной политики Российской империи во второй четверти XVIII века.

Расширение империи в Степь требовало от правительства решения проблемы укрепления своей позиции на окраине. Но с самого начала продвижения на юго-восточную окраину экспедиция И.К. Кирилова столкнулась с сопротивлением башкир. В 1735–1740 гг., 1755 г. проходят восстания, где участвуют казахские отряды, которые прибыли по приглашению башкирских тархан.

Первые начальники края не добились больших результатов. Лишь И.И. Неплюеву удалось усмирить «непокорный край», используя тактику «натравливания одного народа против другого». Регион в этот период был «окольцован» со всех сторон, от Оренбурга расходилась во все стороны ветвь укрепленных линий, которые непрерывной сетью охватили население Южного Урала и Северо-Западного Казахстана. Всего от Оренбурга до устья Яика было возведено 114 укрепленных пунктов⁶¹.

В период правления губернатора А.Р. Давыдова обострились отношения начальника края с казахской элитой. Хан Нуралы и его братья задумывают откочевку к границам Цинской империи или же на юг, который можно рассматривать как один из вариантов «мирного сопротивления».

В первой половине XVIII века, когда влияние империи в крае было слабым, царизм мог удержаться при наличии обостренной вражды между народами окраины. Используя политику «разделяй и властвуй», империя постепенно усиливалась в крае.

В параграфе 2.4 «Реформы и проекты реформ по управлению Казахской степью во второй половине и в конце XVIII в.» исследованы предложения начальников края по управлению Казахской степью.

⁶¹Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации / отв. ред. А.Я. Дегтярев. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. С. 508.

Во второй половине XVIII в. меняется характер взаимоотношений Казахской степи и российской администрации. В сентябре 1758 г. КИД запросил мнения А.И. Тевкелева и П.И. Рычкова по управлению казахами. В 1759 г. они предложили свое видение по этому вопросу: 1) время от времени утверждать в подданстве казахов и держать их в пределах границ Российского государства; 2) действовать в интересах государства, но справедливо и мягко; 3) использовать военную силу казахов против Китая и ему подвластных монголов. Они высказывались за осуществление принципа «разделяй и властвуй», который проявился в желании поддерживать межродовые усобицы, чтобы не допустить объединения двух казахских жузов, которые в тот период представляли в регионе силу.

В период правления О. Игельстрома начинается процесс кооптации казахского населения в имперское пространство. Российская администрация берет курс на сближение с представителями группы «кара суйек». Ослабление власти чингизидов, отстранение хана Нуралы вызывает недовольство султанов. Введенные на территории Младшего жуза новые политические институты не дали ожидаемых результатов. В конечном счете, предложенная О. Игельстромом модель управления не смогла поменять традиционные институты власти в Степи, но дала импульс российской администрации для подготовки новых преобразований.

В третьей главе «Реформы по преобразованию Степи в начале XIX века» показаны изменения, произошедшие в административно-территориальном управлении казахов Младшего жуза. Глава состоит из четырех параграфов.

В параграфе 3.1 «Имперская власть и дебаты по вопросу управления Казахской степью» изучены мнения председателя ОПК В. Тимковского, оренбургского военного губернатора П.К. Эссена об управлении казахами Младшего жуза, дебаты между двумя чиновниками края об институте ханской власти, о приставе при казахском хане Шергазы.

ОПК была региональным государственным учреждением, реализовавшим политику империи на территории Младшего жуза казахов. Председатели ОПК были представителями МИД на местах, «глазами» центра. Назначенный 22 июня 1820 года председателем ОПК В. Тимковский, прибыв в край, раскритиковал ее администрацию⁶². Он обнаружил расхождение между отправляемыми центром указаниями и исполнением их на местах. Причину кризиса во взаимоотношениях с кочевыми казахами он увидел в лице главного начальника края П. К. Эссена. Его взгляды на методы управления Степью не сошлись с мнением военного губернатора, который стоял на позиции ликвидации ханской власти, выступал за отправку в Степь карательных экспедиций. Между двумя чиновниками возник конфликт по вопросам управления Степью, содержанию инструкции для пристава к хану Шергазы. Спор об инструкции в действительности был спором о характере отношений с подвластными казахами.

В параграфе 3.2 «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года проанализировано содержание реформы, изучена деятельность «Комитета» под председательством Ф. Берга.

«Утвержденное мнение» 1824 г. сохранило внутреннее управление казахов Младшего жуза в руках ее знати. Степное управление должно было осуществляться султанами-правителями, но реформа не указала обязанности и компетенции всех звеньев власти. Азиатский комитет дал расширенные права военному губернатору при реализации реформы. Опорой своей власти в Степи П.К. Эссен избрал чингизидов. В августе 1824 г. были назначены три султана-правителя⁶³. По инициативе П.К. Эссена был создан «Комитет, учрежденный для разделения Орды оренбургских киргизов» под председательством полковника Ф.Ф. Берга, в составе трех султанов-правителей, инженер-полковника Г.Ф. Генса и др. Он провел с 23 июля по 6 августа 1824 года 10

⁶² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2285. Л. 2.

⁶³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 273.

заседаний⁶⁴. Комитет определил границы трех частей, родорасселение и обозначил места ставок султанов-правителей и т.д.

В параграфе 3.3 «Последний хан Младшего жуза – Шергазы Айшуаков» раскрывается деятельность хана Шергазы, уточняются биографические данные, анализируются обнаруженные нами письма, прошения и жалобы хана на военного губернатора П.К. Эссена в столицу.

Шергазы Айшуаков в исторической литературе XIX–XX вв. характеризуется как слабый, не имеющий авторитета среди султанов. Изучая сложившуюся обстановку в Степи в 20-е годы XIX в., можно утверждать, что в немалой степени слабость власти Шергазы хана и ограниченность его властных полномочий были связаны с политикой империи в Степи. Вмешательство в принцип отбора ханов, назначение себе угодных правителей привело к тому, что после Абулхаира все ханы были ставленниками центра. Упор, сделанный на избрание ханов из дома Абулхаира, игнорирование сильных и авторитетных претендентов, выбор послушных кандидатур постепенно приводит к изменению отношения к институту ханской власти как у кочевников, так и у российской администрации.

В параграфе 3.4. «Институт приставства от административного лица до системы управления» изучаются этапы становления института приставства на территории кочевых окраин империи, анализируются функции, инструкции приставов при калмыцком и казахском ханах, рассматривается деятельность главных приставов, приставов при кочевых и горских народах Кавказа.

В 1715 г. при калмыцком хане Аюке появился стольник Д. Бахметев. В 1821 году был отправлен первый пристав к хану Шергазы. Главной функцией приставов, состоявших при калмыцком и казахском владетелях, являлась охрана хана. Появление этих должностей лиц при правителях номадов в период ослабления их власти свидетельствовало о том, что империя пыталась

⁶⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 273, 342–342 об.

регулировать противоречия, возникавшие в кочевых обществах, и усиливала традиционный для них институт ханства.

Институт приставства, формируясь на окраинах Российской империи и пройдя путь от административного лица при ханах до административно-территориальной единицы со своей организацией и штатом (на Кавказе, Прикаспийском регионе), постепенно сложился в определенную переходную систему управления, учитывавшую хозяйственный тип, социальные и исторические особенности развития народов.

Глава четвертая «Институты и структуры осуществления реформы 1824 года» содержит сведения о султанах-правителях и исправляющих эту должность, о дистанчных и местных начальниках. Глава состоит из двух параграфов.

В параграфе 4.1 «Институт султанов-правителей» анализируется деятельность 12 султанов-правителей и 4-х султанов, исправлявших эту должность, приводятся сведения биографического характера, определяются места ставок правителей трех частей.

После реформы 1824 г. российская администрация уже целенаправленно вела работу по созданию управленческого аппарата из представителей Степи. В этот период институт султанов-правителей стал первым этапом формирования казахского чиновничества, но существовали и другие категории чиновников – исправляющие должность султана-правителя и помощники старших султанов. К первой группе относились чингизиды, которые для назначения их на должность султана-правителя части, своей службой в течение нескольких лет доказывали умение управлять кочевыми соплеменниками и подтверждали верность императорскому двору.

За свою службу султаны-правители получали жалованье, за успехи награждались орденами и медалями. Носили мундир казахского чиновника, инициатором создания которого был Ахмед Джантюрин. Местная политическая элита интегрировалась во властные структуры и участвовала в процессе управления Степью.

В параграфе 4.2. «Нижнее звено в системе управления казахами Зауральской Орды. Дистаночные начальники и аульные старшины» изучается разделение территории Зауральской Орды на дистанции и аулы, деятельность низовых структур власти, биографические данные дистаночных начальников.

Недоработанность и незавершенность реформы 1824 г., потребность в определении точного количества населения Степи для сбора кибиточного налога, необходимость урегулирования взаимоотношений казахов с линейными жителями вызвало введение дистаночной системы управления. Дистанции создавались между крепостями.

В обязанности дистаночных начальников входило представление сведений о численности населения, количестве кибиток, скота и т.д. на вверенной им территории. Безупречная служба была одним из главных критериев при назначении на должность дистаночного начальника. Внутри дистанции были образованы аулы или местности. Родоначальник не всегда назначался аульным старшиной. Поэтому сохранилось характерное для традиционного казахского общества управление родами, отделениями и подотделениями биев и старшин. Местные начальники, т.е. аульные старшины, были определены против каждого отряда или форпоста.

Глава пятая «Казахская степь на картах Российской империи» состоит из трех параграфов.

Параграф 5.1 «Топографо-геодезические исследования северо-западных регионов Казахской степи в XVIII –первой половине XIX века» содержит сведения о проведении съемок на территории Младшего и части Среднего жузов, составлении карт.

Чертежи, как в прошлом назывались карты, возникшие в результате путешествий, экспедиций или же по инициативе центральной администрации, стали значительной вехой в процессе освоения Казахской степи Российской империей. В 20-е годы XIX в. идет активное изучение Степи. Результатом

рекогносцировки в 1823–1824 гг. в степях Младшего жуза стала карта военно-топографического обозрения части данного жуза⁶⁵.

С 30-х годов XIX в. начали делать рекогносцировки внутри степи, но к систематической съемке приступили только с 1841 г. В целом, с 1843 г. по 1848 г. в Казахской степи, включая и Мангышлакский полуостров, было снято 326129 кв. верст⁶⁶.

Местные жители – казахи выступали проводниками экспедиций, так как только они знали особенности региона и предупреждали об опасностях определенных участков. За свои труды они получали различные награды⁶⁷.

Топографы, исследовавшие разные регионы кочевий казахов, имели особые инструкции, выполняли широкий круг исследовательских задач. Результаты их работ определяли будущее направление хозяйственного освоения края.

В центре внимания *параграфа 5.2 «Кочевая ментальная карта пространства. Понятие границы и пространства у кочевников-казахов»* – традиционное казахское общество XIX в.

Понятие «кочевая ментальная карта пространства» (КМКП) возникла в результате многовековой связиномада с окружающей природой и начала меняться с проведением административно-территориальных реформ в XIX в. Восприятие и осмысление географического пространства, формирование образов и пространственных представлений у казахов-кочевников было связано, в первую очередь, с окружающей природой и знаниями номадов о ней. Употребляемый в работе термин КМКП включает в себя такие понятия, как определение номадами в пространстве границ своих кочевий, понятие границы у казаха-кочевника. КМКП возникла вместе с формированием способа кочевания казахов. Образ пространства включал в себя сведения о характере местности, состоянии и составе травяного покрова, водных

⁶⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20651. Карта военно-топографического обозрения части степи киргиз-кайсаков Малой Орды. Рукопись. М. 10 в.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 7. Л. 6 об.–7.

⁶⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318; Д. 5594.

источников. КМКП – это умственный конструкт. Казахи все пространство степи разделили между собой по родам. Для кочевников-казахов границей служили разнообразные природные объекты, места захоронения предков. Реки рассматриваются как удобные маркеры границы. Границы казахских кочевий не имели значения меж и межевых признаков. Представление казахов о границе, осмысление разницы между межей и пастбищной границей начинает возникать к середине XIX века. Казахское культурное понимание границы, приспособившись к новому контексту, продолжает существовать. Граница как пространство была осмыслена номадами на основании связи со способом кочевания. Гибкое значение границы постепенно исчезает у номадов. Проведение границ, административно-территориальное деление трансформируют понимание границ кочевниками. Карты, предназначенные для административного подчинения номадов, меняют территории кочевания и использование природных ресурсов. Земельная теснота, появившаяся после разделения территории, приводит к восстаниям в Степи.

В параграфе 5.3. «Разграничение земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств» раскрывается процесс проведения границы между двумя ведомствами, исследуется участие казахов в экспедициях и их стремление сохранить родовые территории за своим родом, племенем.

После проведения реформ 1822 и 1824 гг. возник вопрос, связанный с определением точной границы казахов Оренбургского и Сибирского ведомств. В 1831 г. была составлена карта, где граница обозначалась линией, которая проходила от редута Сибирского по истокам рек Тургаев до гор Улутау⁶⁸. Разграничение земель началось в 1839 году, была создана специальная комиссия с участием офицеров Генштаба, чиновников МИД, депутатов от казахов. Работы проводились летом 1839, 1840, 1841 гг.⁶⁹. В 1842 г. граница была доведена до сопки Майтобе и вершины р. Карын-Салды

⁶⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20654.

⁶⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 352, Д. 346, Д. 366.

Тургай⁷⁰, но осталась незавершенной. В течение с 1843 по 1852 гг. не проводилось разграничения земель⁷¹.

При разделении границы казахов Оренбургского и Сибирского ведомств возникли споры о приграничных землях. В эти дебаты были вовлечены представители российской администрации, казахи разных социальных групп двух ведомств. Новой институциональной формой для решения взаимных споров стал съезд, собиравшийся при посредничестве представителей Оренбурга и Омска⁷².

Карта деления территории Оренбургского и Сибирского ведомств обозначала и устанавливала лимиты власти. Губернаторы двух ведомств, определяя административные границы своих владений, включились в защиту за спорную землю своих подвластных. Они рассматривали границы собственности своих подчиненных казахов как гарант подтверждения права на сбор налогов.

Кочевники-казахи, в свою очередь, сначала не воспринимали созданную российской администрацией карту за закон, который регулировал их маршруты кочевок, но в дальнейшем были вынуждены его признать.

Глава шестая «Разработка и внедрение "Положения об управлении Оренбургскими киргизами" 1844 года» посвящена исследованию системы управления, введенной по новому законодательству. Глава состоит из трех параграфов.

В параграфе 6.1 «Основные статьи и нововведения» анализируются мнения руководителя МИД К.В. Нессельроде, председателя Азиатского департамента МИД Н. Любимова, оренбургских военных губернаторов В. Обручева, В.А. Перовского, председателей ОПК М.В. Ладыженского, В. Григорьева по реализации и совершенствованию основных положений реформы.

⁷⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

⁷¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 98. (1844 год). Л. 6 об.; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 121 (1846 год). Л. 7; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 95 (1848 год). Л. 5 об.; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 96. (1849 год). Л. 5 об.

⁷² РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 41. Л. 21.

14 июня 1844 года был Высочайше утвержден указ о введении в действие «Положения об управлении оренбургскими киргизами», который оставался без существенного изменения до 1868 г. «Положение» усилило штат ОПК, внесло изменения в судопроизводство казахов, был введен институт попечительства, открыта школа при ОПК для казахских детей, но внутреннее управление Степью сохранилось в руках казахов.

Местное население на изменение жизненных устоев реагировало как активно, что выражалось в восстаниях, так и пассивно. После реформы 1844 г. в Степи распространялись различные слухи, которые были направлены на задержку отправления российских экспедиций в Степь, отстранение от службы султанов-правителей и т.д.

Параграф 6.2. «Казахские депутации в столице: церемониал власти и его влияние на восприятие казахами "образа" империи» содержит материал, раскрывающий суть приглашения казахской элиты в столицу.

Различные по своему содержанию и форме (коронация монархов, аудиенции, дипломатические приемы) государственные церемонии играли важную роль в формировании у подданных империи образа государства. Приглашение и участие казахских депутаций в мероприятиях такого масштаба выполняло несколько функций. С одной стороны, оно знакомило подданных с могуществом империи, внушая им уважение к России, а с другой, показывало ее многообразие. В свою очередь, казахская элита для поднятия своего престижа среди соплеменников просила разрешения посетить Москву и Санкт-Петербург.

Цели и задачи отправки казахских депутаций в Петербург зависели от исторической ситуации. Участники депутаций отбирались местными властями, а затем их кандидатуры пересматривались в Оренбурге и после одобрения утверждались в Петербурге.

Общий психологический и моральный эффект от этих поездок имел место среди казахов. Громадное впечатление произвели на казахов переезд по железной дороге, изящество и роскошь императорских дворцов, выправка и

блестящие мундиры гвардейцев, поездка на пароходе в Кронштадт, экспонаты Арсенала и т.д. Поездки достигли своей цели.

В параграфе 6.3 «Институт российских попечителей в Казахской степи Оренбургского ведомства» освещается роль данного института в имперской практике.

Апробированные в разных частях империи механизмы управления окраинами совершенствовались, дополнялись и вводились в новых регионах. Так было и с институтом попечительства, который прошел испытание в Калмыкии, в 30-е годы XIX в. был введен у башкир, а в 1846 г. и у казахов Оренбургского ведомства. Основная деятельность попечителей в Казахской степи была связана с решением вопросов прилинейных кочевников.

Изучение двух инструкций, созданных для попечителей (9-го башкирского кантона и казахов), показывает, что функции данной категории чиновников в целом были схожи. Это – контроль, наблюдение, слежка, регулирование отношений жителей региона. В Башкирии попечители в основном контролировали местное кантонное управление и их начальников, а попечители прилинейных казахов регулировали отношение казахов с линейными жителями, в первую очередь, с казаками.

Попечителем в 9-й башкирский кантон был назначен российский офицер (майор Середа). В Казахской степи попечителями были назначены в основном гражданские лица. Знакомые с жизнью, обычаями казахов не понаслышке, а в реальной жизни, прослужившие в крае несколько десятилетий, ощутившие на себе опасности и тягости службы на линии, попечители старались выполнять свои функции на благо кочевого населения Степи, а в целом, для блага российского государства.

В заключении подведены итоги исследования, представлены выводы по основным аспектам проблемы, которые в обобщенном виде сформулированы в виде основных положений вынесенных на защиту.

Текст диссертации дополнен двумя генеалогическими схемами Чингизидов, зарисовками мундира казахского чиновника, таблицами,

содержащими данные об аманатах-заложниках, о султанах-правителях трех частей, о месте расположения ставок султанов-правителей, о дистаночных начальниках трех частей и тремя картами.

Положения, выносимые на защиту, определены задачами диссертационного исследования:

1. После инкорпорации Младшего жуза казахов в состав Российской империи усиливается связь населения окраины, в первую очередь башкир и казахов, с представителями российской администрации, в лице оренбургских начальников. До 30-х г. XVIII в. казахская элита имела контакты при решении пограничных споров с кочевой элитой региона, т.е. калмыцкими тайшами и ханом, а также с башкирскими батырами, тарханами. Взаимоотношения с подвластными Российской империи характеризовались, с одной стороны, конфликтами за пастбища и водные ресурсы, а с другой стороны, совместными выступлениями населения окраины в башкирских восстаниях конца XVII – XVIII вв.

Конфликтные вопросы находили свое решение в период встреч элит кочевых обществ путем создания брачных союзов их детей, племянников; отправки аманатов.

2. Российская империя учитывала опыт управления окраинами. При определении методов и механизмов управления учитывалась географическая среда, тип хозяйства, а иногда религия.

3. Прослеживается связь в механизме управления кочевыми народами, в частности калмыками, башкирами, народами Кавказа. Такие институты, как аманатство, приставство, попечительство, пройдя апробацию на одних окраинах, видоизменяясь, продолжали существовать, а в случае бессмысленности, негодности убирались из практики.

4. Особую роль в осуществлении российской политики в Младшем жузе сыграла Оренбургская Пограничная комиссия. Ее председатели как представители МИД стояли на позиции мягкого, постепенного внедрения новых административных норм, с учетом всех сфер жизнедеятельности

номадов, тогда как нередко отдельные военные губернаторы действовали в противовес этому, что приводило к конфликту между двумя структурами власти.

5. Залогом устойчивости империи явились гибкость и вариативность правительственной политики. Вместе с тем, необходимо отметить, что не всегда совпадали позиции центральных и местных оренбургских властей, как показывает пример В.Ф. Тимковского и П.К. Эссена, даже внутри местной администрации края.

6. Главной опорой российской администрации в Степи были казахские султаны. После введения реформы 1824 г. султанами-правителями и исправляющими эту должность в трех частях Оренбургского ведомства были назначены чингизиды. В Западной и Средней частях ими были выходцы из дома Абулхаира, в Восточной – из дома хивинского хана Каипа. Первыми дистаночными начальниками стали также чингизиды, но картина начинает меняться к середине XIX в., когда выпускники российских учебных заведений прибыв в Степь, занимают свое место в чиновничьем аппарате. В этот период местные начальники, сама низовая власть в Степи назначается из группы «кара суйек».

7. Наряду с должностью султана-правителя существовала должность исправляющего. Если первые султаны-правители были назначены сразу на эту должность, то последующие в течение нескольких лет доказывали службой свою верность империи. Если кандидат, т.е. исправляющий должность проявлял доказательство своей верности империи, то он получал пост султана-правителя, а в противном случае его кандидатура могла быть отклонена.

8. Первые султаны-правители рассматривали свою власть как ханскую, так как ранее они были ханами определенных племен и родов, церемониал возведения в султаны-правители был схож с ханской и др. Султан-правитель Западной части изготовил печать с надписью: «Хан Каратай сын Нуралиханов».

9. Понятие «аманатства» в традиционном обществе казахов трансформируется под влиянием российской имперской политики. К 40-м годам XVIII в. хан Абулхаир был вынужден принять аманатство как заложничество.

10. Проведение реформ 1824 и 1844 гг. изменило понятие «границы» у номадов. Также она способствовала возникновению сложносоставной идентичности у населения Степи.

11. Казахская элита в период пребывания в столице поднимала злободневные вопросы перед императором, сотрудниками МИДа и часто добивалась положительных результатов в их решении, кроме земельного вопроса. Оренбургские начальники (П.П. Сухтелен, В.А. Перовский) придерживались точки зрения, что казахи принесут пользу занятием скотоводством, а не земледелием, поэтому запрещалось давать землю в собственность номадам.

12. Поиск оптимальных путей управления Казахской степью, дальнейшее изучение положения дел после введения реформ 1824 и 1844 годов позволили российской администрации совершенствовать системы управления Степью.

13. Российская региональная администрация держала под контролем все местные власти в Степи, при назначении начальников всех уровней власти последнее слово оставалось за ней. Оренбургская Пограничная комиссия постоянно собирала сведения, своего рода «банк данных», о надежных, благоприятно расположенных к политике империи людей, что позволило ей к концу 40-х гг. иметь почти полные сведения о таких лицах. Эти сведения учитывались при назначении дистаночных и местных начальников.

14. Дистаночные и местные начальники проходили несколько этапов выборов, контроля до своего назначения. Решением оренбургского военного губернатора кандидатуры утверждались в должностях.

Основное содержание диссертационной работы отражено в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Избасарова, Г.Б. XVIII ғасырдағы қазақ-башқұрт ара катынастарындағы саяси және этникалық үрдістер [Текст] / Г.Б. Избасарова. – Ақтобе: ПринтА, 2008. – 232 с. – 13,7 п.л.
2. Избасарова Г.Б. Казахи Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века [Текст] / Г.Б. Избасарова. – М.: Press-book, 2018. – 473 с. – 29, 5 п.л.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RCSI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальностям 07.00.02 – Отечественная история и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования:

1. *Избасарова, Г.Б.* Шергазы Айшуаков – последний хан Младшего жуза казахов / Г.Б. Избасарова // Вопросы истории. – 2016. – № 11. – С. 98–107. Web of Science. Импакт-фактор – 0, 208. (1, 06 п.л.)
2. *Избасарова, Г.Б.* Аманат в традиционном казахском обществе и в российской политике XVIII в. / Г.Б. Избасарова // Российская история. – 2017. – № 1. – С. 103–112. Scopus. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 282. (1, 25 п.л.)
3. Izbassarova, G.B. South-Eastern Policy of Tsarizm on the Character of Mutual Relations of the Kazakhs and Bashkirs in 18th Century / G.B. Izbassarova // Oriente Moderno. – The Netherlands, Leiden, 2016. – № 96. – PP.156–180. Scopus. Импакт-фактор – 0, 033. (1, 18 п.л.)
4. *Избасарова, Г.Б.* М.В. Ладыженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи / Г.Б. Избасарова // Вопросы истории. – 2017. – № 12. – С. 112–122. Web of Science. Импакт-фактор – 0, 208. (1, 25 п.л.)

5. *Избасарова, Г.Б.* Институт попечителей в Казахской степи XIX в.: правовое положение и должностные инструкции / Г.Б. Избасарова // Былые годы. – 2017. – Вып. 46. – № 4. – С. 1366–1375. Scopus. Импакт-фактор в РИНЦ за 2016 г. – 0, 350. (1, 5 п.л.)
6. *Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX века: от административного лица к системе управления / Г.Б. Избасарова, С.В. Любичанковский // Российская история. – 2018. – № 2. – С. 13–21. Scopus. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 282. (1, 6 п.л.)
7. *Избасарова, Г.Б.* Казахская степь Оренбургского ведомства в региональной политике Российской империи в XIX в. / Г.Б. Избасарова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2018. – № 427. – С. 118–124. RSCI. Импакт-фактор в РИНЦ 2016 год – 0, 347. (0, 7 п.л.)
8. *Избасарова, Г.Б.* Модели управления Казахской Степью в XIX в. на примере размышлений Ф.М. Лазаревского / Г.Б. Избасарова // Вопросы истории. – 2018. – № 3. – С. 49–60. Web of Science. Импакт-фактор – 0, 208. (1, 19 п.л.)
9. *Избасарова, Г.Б.* Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII веке / Г.Б. Избасарова / Г.Б. Избасарова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2018. – № 430. – С. 123–130. RSCI. Импакт-фактор в РИНЦ 2016 год – 0, 347. (0, 93 п.л.)
10. *Избасарова, Г.Б.* Принципы функционирования властной элиты Степи в политической организации Российской империи (на примере службы султана Ахмета Джантюрина) / Г.Б. Избасарова // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 8. История. – 2015. – № 5–6. – С. 64–80. Импакт-фактор в РИНЦ– 0, 086. (1, 12 п.л.)
11. *Избасарова, Г.Б.* Кочевая ментальная карта пространства. Трансформация понятия границы в представлениях казахов в XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 8. История. – 2016. – № 5. – С. 31–44. Импакт-фактор в РИНЦ– 0, 086. (0, 9 п.л.)

12. *Избасарова, Г.Б.* Инкорпорация казахских земель в состав Российской империи / Г.Б. Избасарова // Препод. истории и обществознания в школе. – 2016. – № 7. – С.12–19. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 088. (0, 75 п.л.)
13. *Избасарова, Г.Б.* Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в I четверти XVIII в. / Г.Б. Избасарова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – №5. – Ч. 2. – С. 63–68. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 208. (0, 8 п.л.)
14. *Избасарова, Г.Б.* «Почётные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII – XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2016. – № 6 (114). – С. 44–51. Импакт-фактор в РИНЦ за 2016 г. – 0, 124. (1, 18 п.л.)
15. *Избасарова, Г.Б.* Казахские Чингизиды на службе Российской империи. Султаны-правители Западной части Младшего жуза (1824–1867) / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2016. – № 11 (119). – С. 121–129. Импакт-фактор в РИНЦ 2016 г. – 0, 124. (1, 43 п.л.)
16. *Избасарова, Г.Б.* Казахские Чингизиды дома Жадик на службе Российской империи (1824–1869) / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2017. – № 1 (121). – С. 81–86. Импакт-фактор в РИНЦ 2016 г. – 0, 124. (0, 87 п.л.)
17. *Избасарова, Г.Б.* Султаны-правители Средней части Младшего жуза (1824–1869) / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2017. – № 3(123). – С. 54–59. Импакт-фактор в РИНЦ 2016 г. – 0, 124. (0, 87 п.л.)
18. *Избасарова, Г.Б.* Мундиры для султанов-правителей. Как в Российской империи внедрялась форменная одежда для кочевой элиты / Г.Б. Избасарова // Родина. – 2017. – № 1. – С. 108–109. Импакт-фактор в РИНЦ 2016 г. – 0, 061. (0, 6 п.л.)
19. *Избасарова, Г.Б.* Политика Российской империи в Казахской Степи в I половине XIX в. / Г.Б. Избасарова // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 8. История. – 2017. – № 2. – С. 50–63. Импакт-фактор в РИНЦ – 0,086. (1 п.л.)

20. *Избасарова, Г.Б.* Институт попечителей во внутренней политике Российской империи: на примере Казахской степи Оренбургского ведомства XIX в. / Г.Б. Избасарова // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 8. История. – 2017. – № 6. – С. 85–96. Импакт-фактор в РИНЦ – 0,086. (0, 8 п.л.)

21. *Избасарова, Г.Б.* «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1844 года: содержание, нововведения, реализация / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2018. – № 3 (135). – С. 115–122. Импакт-фактор в РИНЦ 2016 г. – 0, 124. (1, 12 п.л.)

Публикации в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. *Избасарова, Г.Б.* «Я не хотел, чтобы отчет в моих занятиях, показывая резкия отступления от данной мне инструкции, имел характер жалобы или доноса». Записка статского советника В. Тимковского об Оренбургской линии / Г.Б. Избасарова // Университет. науч. журнал. Серия «Филолог. и истор. науки, археология и искусствоведение». – 2016. – № 18. – С. 25–35. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 077. (1, 2 п.л.)

2. *Избасарова, Г.Б.* Служба В. Ф. Тимковского в Оренбургском крае / Г.Б. Избасарова // Вестн. Оренбург. гос. пед. Ун-та. Электрон. науч. журнал. – 2016. – № 1 (17). – С. 145–155. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 197. (0, 7 п.л.)
Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/16_17_2016.pdf

3. *Избасарова, Г.Б.* Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII–XIX вв. / Г.Б. Избасарова // Вестн. Рос. нации. – 2017. – № 2 (54). – С. 113–124. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 122. (0, 62 п.л.)

4. *Избасарова, Г.Б.* Имперская власть и дебаты по определению границ земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомства в первой половине XIX века / Г.Б. Избасарова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – Серия История. Политология. Социология. – 2016. – № 3. – С. 13–21. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 145. (1, 2 п.л.)

5. *Избасарова, Г.Б.* Историография проблемы инкорпорации Младшего жуза казахов в состав Российской империи (дореволюционный период) / Г.Б. Избасарова // Самар. науч. вестн. – 2016. – № 4 (17). – С. 122–125. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 678. (0, 75 п.л.)

6. *Избасарова, Г.Б.* Казахская степь на картах Российской империи первой половины XIX века (топографо-геодезические исследования на территории Младшего жуза казахов) / Г.Б. Избасарова // Университет. науч. журнал. – Серия «Филолог. и истор. науки, археология и искусствоведение. – 2016. – № 13. – С. 39–51. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 077. (1, 18 п.л.)

7. *Избасарова, Г.Б.* «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года: подготовка реформы и ее реализация / Г.Б. Избасарова // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журнал. – 2016. – № 4 (20). – С. 108–118. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 197. (1, 31 п.л.)

8. *Избасарова, Г.Б.* Опыт Российской империи по управлению народами окраины (на примере института приставства в Младшем казахском жузе при хане Шергазы) / Г.Б. Избасарова // Извест Самар. науч. центра РАН. – 2016. – Т. 18. – № 6. – С. 18–25. Импакт-фактор в РИНЦ – 0, 347. (1 п.л.)

Другие публикации по теме диссертации:

1. *Избасарова, Г.Б.* Роль Центральной Азии во внешней политике России в конце XVIII – начале XIX вв. / Г.Б. Избасарова // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия востоковедения. – Алматы, 2008. – № 4. – С. 36–40. (0, 5 п.л.)

2. *Избасарова, Г.Б.* Сеитхан Джантюрин и его труды: новые страницы истории / Г.Б. Избасарова // Отан тарихы (Отечественная история). – Алматы, 2012. – № 3(59). – С. 84–91. (0,8 п.л.)

3. *Избасарова, Г.Б.* «Иноверцы» в российских регионах: история повседневности / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. науч.-теор. конф. «Исторический опыт модернизации тюрко-монгольских народов СССР» / отв. ред. А.Т. Маден. – Актобе, 2008. – С. 106–109. (0, 37 п.л.)

4. *Избасарова, Г.Б.* Российско-Британское соперничество в Центральной Азии в XIX в. / Г.Б. Избасарова // Вестн. Зап.-Каз. гос. ун-та им. М. Утемисова. – Уральск, 2009. – № 1. – С. 19–26. (0,5 п.л.)
5. *Избасарова, Г.Б.* Институт ханской власти в Казахстане: историческая действительность XVIII века / Г.Б. Избасарова // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Хорезмский отдел АН Республики Узбекистан. – Хива, 2009. – № 2. – С. 29–32. (0, 62 п.л.)
6. *Избасарова, Г.Б.* Дипломатия и государственный церемониал в Российской империи / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. науч.-практ. конф. «Средневековая история Казахстана: итоги и перспективы исследований» / под общ. ред. С.Ф. Мажитова и др. – Алматы, 2009. – С. 126–129. (0, 5 п.л.)
7. *Избасарова, Г.Б.* Личность Карасакала в казахско-башкирских отношениях (в связи с проблемой эпонима «Карасакал») / Г.Б. Избасарова // Матер. VIII конгресса этнографов и антропологов России / Ассоц. этногр. и антропол. России, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Прав-во Оренбург. обл. – Оренбург, 2009. – С. 109. (0,1 п.л.)
8. *Избасарова, Г.Б.* Место рефюжье Карасакала в истории Центральной Азии и Казахстана / Г.Б. Избасарова // Матер. VII межд. конф. «Жұбанов тағылымы» / отв. ред. К.К. Кенжебаев. – Ақтобе, 2009. – Т. 2. – С. 226–230. (0, 43 п.л.)
9. *Избасарова, Г.Б.* Башкирские восстания XVIII века / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. науч.-теор. конф. «Национально-освободительное движение 1916 года: история и современность» / под общ. ред. С.Ф. Мажитова. – Алматы, 2010. – С. 148–153. (0, 68 п.л.)
10. Izbassarova, G. Transformation of Kazakh Community at the turn of XIX – XX centuries (in terms of Turgai region) / G. Izbassarova // Central Eurasian Studies Society. 11th Annual Conference. Abstr. – Michigan: Michigan State University, 2010. – P. 317. (0, 1 п.л.)
11. Izbassarova, G System of governing of Kazakhs of Orenburg and West-Siberian general-governorship in 20-60-s of XIX century / G. Izbassarova //

«Central Asia: a maturing field». ESCAS XII conference. Abstr. – Cambridge: Churchill college, 2011. – P. 324. (0,1 п.л.)

12. *Избасарова, Г.Б.* Түбі бір түркі елі. Қазақ-башқұрт халықтарының этномәдени байланыстары / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. науч.-практ. конф. «Мир языка и межкультурная коммуникация» / ред. кол. К.К. Кенжебаев и др. – Ақтобе, 2011. – С. 275–279. (0, 44 п.л.)

13. *Избасарова, Г.Б.* В.А. Перовский и его эпоха: опыт социального анализа / Г.Б. Избасарова // Матер. Всерос. науч. конф. «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.)» / науч. ред. Е. Годовова, С.В. Любичанковский. – Оренбург, 2012. – С. 496–500. (0, 6 п.л.)

14. *Избасарова, Г.Б.* Формирование российской имперской идеи в Степи в середине XIX века / Г.Б. Избасарова // Отан тарихы (Отечественная история). – 2013. – № 4 (63). – С. 146–154. (0, 87 п.л.)

15. *Избасарова, Г.Б.* Институт султанов-правителей в Младшем жузе / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. науч.-практ. конф. «Теоретико-прикладные аспекты социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии и СНГ» / отв. ред. М.С. Бесбаев и др. – Алматы, 2014. – Т. 1. – С. 370–387. (1 п.л.)

16. *Избасарова, Г.Б.* Имперские технологии управления подвластными народами (на примере института аманатства) / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. науч. конф. «Социальные и культурные практики Евразии в имперском пространстве» / ред. кол. А.М. Смагулова, К.С. Калиева. – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 7–10. (0,9 п.л.)

17. *Избасарова, Г.Б.* Шергазы хан и Оренбургские правители / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. науч.-теор. конф. «Казахское ханство: история, теория и современность» / отв. ред. А.М. Уразбаева. – Алматы, 2015. – С. 157–159. (0, 37 п.л.)

18. *Избасарова, Г.Б.* Ф.М. Лазаревский о Казахской степи / Г.Б. Избасарова // Актуальные проблемы совр. гуманитар. знания. Сб. науч. ст. /

ред. кол. С.А. Ескалиев и др. – Саратов – Актобе, 2016. – Вып. 8. – С. 41–45.
(0, 25 п.л.)

19. *Избасарова, Г.Б.* Абулхаир хан (1693–1748) / Г.Б. Избасарова // Книга-альбом. Истор. личности Актюбинской области / ред. сов. С.К. Нуркатова и др. – Актобе: Хабар-Сервис, 2015. – С. 28–36. (0, 4 п.л.)

20. *Избасарова, Г.Б.* Д. Беркимбаев – чиновник Российской империи / Г.Б. Избасарова // Матер. регион. науч.-практ. конф. «Дербисалы Беркимбаев: историческая личность и его время» / отв. ред. Р.А. Бекназаров. – Актобе, 2017. – С. 37–42. (0, 43 п.л.)

21. *Избасарова, Г.Б.* Дебаты по управлению Казахской степью в начале XIX века: В. Тимковский и П.К. Эссен (на материалах ГАОО и РГИА) / Г.Б. Избасарова // Евразийский перекресток. Сб. матер. науч.-практ. мероприятий / сост. В.В. Амелин и др. – Оренбург, 2017. – Вып. 7. – С. 318–323. (0, 5 п.л.)

22. *Избасарова, Г.Б.* Понятие аманатства в кочевом обществе казахов и влияние политики Российской империи на трансформацию данного института в XVIII веке / Г.Б. Избасарова // Вопросы истории Сибири. Сб. науч. ст. / отв. ред. М.К. Чуркин. – Омск, 2017. – С. 54–60. (0, 6 п.л.)

23. *Избасарова, Г.Б.* Трансформация казахского общества в XIX в.: на примере внедрения чая / Г.Б. Избасарова // Матер. межд. конф. «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура» / сост. У.М. Бахтикереева и др. – М., 2016. – С. 801–805. (0, 35 п.л.)

24. *Избасарова, Г.Б.* Взаимоотношения казахов Младшего жуза с Калмыцким ханством и Башкирией в первой четверти XVIII в. // Матер. межд. науч.-практ. конф., посвященной 350-летию Есет батыра Кокиулы (1667–1749 гг.) / отв. ред. М. Дуйсенгали. – Актобе, 2017. – С. 28–35. (0, 4 п.л.)